

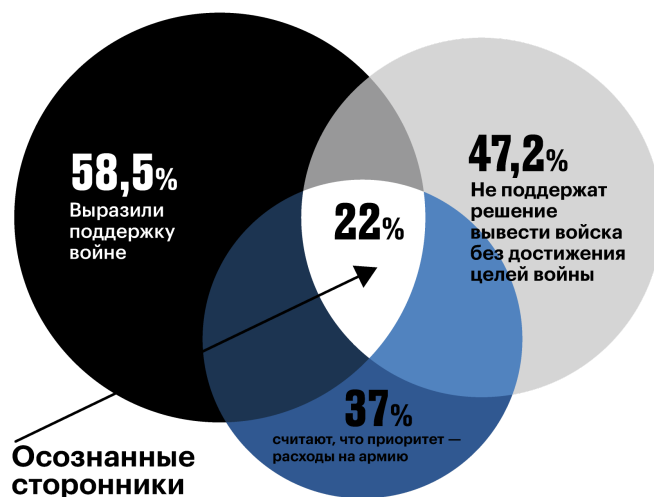
Об исследовании	1
Общие выводы	2
Динамика поддержки спецоперации за год	7
Как изменилась жизнь россиян за год?	10
Чувства по отношению к спецоперации	12
Цели войны и оценка их достижения	13
Анализ достижимости целей по группам	17
Готовность к перемирию	23
Послание президенту	24
Готовность участвовать в боевых действиях, отношение к уклонистам	25
Цена за жизнь	27
Ассоциация между текущей войной и ВОВ	28
Ядро поддержки	31
Совместный анализ факторов поддержки войны и готовности к перемирию	32

Методика

- Исследование проводилось со 2 по 9 февраля 2023 года
- Метод опроса — телефонное интервью по случайной выборке телефонных номеров
- География исследования — все регионы России
- Финальная выборка — 1600 человек
- Расчетная ошибка выборки: 2,45% при 95-процентном доверительном интервале
- Среднее время прохождения полной анкеты — 17 мин. 35 сек.
- Response rate — 4% (доля успешно завершённых интервью от общего количества разговоров)

Общие выводы

- Ядро группы поддержки войны составляет 22.1%. В эту группу мы включили тех, кто:
 - Выразил поддержку войне
 - Считает, что в условиях дефицита бюджета государственные средства нужно расходовать в первую очередь на армию
 - Не поддержал бы решение В. Путина вывести войска с территории Украины и начать мирные переговоры без достижения целей войны

- Ядро группы противников войны составляет 20.1%. В эту группу мы включили тех, кто:
 - Не выразил поддержку войне
 - Считает, что в условиях дефицита бюджета государственные средства нужно расходовать в первую очередь на социальную сферу
 - Поддержал бы решение В. Путина вывести войска с территории Украины и начать мирные переговоры без достижения целей войны

- Число тех, кто заявил о поддержке войны¹ в Украине за год оставалось стабильным — 58,5%. Стоит отметить, что сам по себе процент заявляющих о поддержке войны малоинформативен, так как включает в себя широчайший спектр людей от тех, кто ушёл на фронт добровольцем до тех, кто декларирует поддержку из-за страха репрессий.
- Портрет согласных с войной остался прежним: это чаще люди пенсионного возраста. Сторонники войны чаще получают информацию из официальных источников (телевидение, радио, газеты) и не пользуются VPN. Эти же группы людей более бескомпромиссны в оценке войны и чаще остальных не сомневались в своей позиции по этому поводу.
- Сейчас как минимум каждый десятый россиянин (11%) открыто заявляет о неподдержке спецоперации незнакомому человеку (интервьюеру), несмотря на криминализацию этой позиции.
- Процент тех, кто затруднился ответить на вопрос о поддержке/неподдержке спецоперации или не захотел отвечать, на протяжении года тоже не сильно поменялся: это около трети (31%) граждан. А максимального значения доля ответивших таким образом достигла после объявления частичной мобилизации 21 сентября (такие позиции выбрали 37%). Учитывая, что те, кто затруднился/не захотел ответить, отвечают на другие вопросы похожим образом, что и противники войны, логично предположить, что именно в эти две позиции “уходят” те, кто не согласен с войной, но не рискует говорить об этом открыто.
- Большая часть россиян (72%) не подвергали свою позицию сомнению. Респонденты, заявившие о неподдержке войны на момент опроса, чаще сообщали, что им приходилось также сомневаться в своем отношении к войне. Это может говорить о том, что часть людей, ранее поддерживающих войну, теперь перестала ее поддерживать. Важно понимать, что противники войны находятся под общественным давлением и более рефлексивны сами по себе. Более радикальны и бескомпромиссны в своей оценке сторонники войны.
- Вопрос же об одобрении уголовного наказания за открытое осуждение спецоперации так или иначе раскалывает общественное мнение: 44% не одобряют такого рода законы, немногим меньше — 41% — одобряют.
- Число россиян, которые сказали о том, что с марта 2022 года их семейный доход снизился, с мая месяца медленно, но стабильно растет (в начале марта 2022 года таких респондентов было 39% процентов, а уже в феврале этого года материальное положение ухудшилось у 43%). Похожая динамика наблюдается и

¹ Далее в отчете мы будем с регулярностью использовать слово “война”. Мы хотим называть вещи своими именами. Однако следует оговориться, что в телефонном опросе мы использовали другие формулировки (“специальная военная операция”, “боевые действия на Украине” и т.д.). Это было важно, во-первых, для получения более искренних ответов со стороны респондента, во-вторых, для безопасности интервьюеров.

в отношении россиян, потерявших работу: в начале прошлого года их доля в выборке составляла 4%, в феврале этого — 9%. Резкое увеличение потерявших работу наблюдается в июле 2022 года.

- Половина россиян (50%) сказали о том, что с марта испытывали приступы тревоги. А каждый пятый опрошенный (20%) перестал общаться с близкими друзьями или родственниками.
- 15% россиян лишились важных для них интернет-сервисов. Среди молодежи и студентов лишился доступа минимум каждый третий.
- С апреля 2022 года по февраль 2023 число тех, кто испытывает чувство гордости по отношению к войне, снизилось на 18 п.п.², до 52%. Динамику показал и вопрос про “воодушевление”: число испытывающих это чувство уменьшилось на 9 п.п., до 31%.
- 37% сказали, что испытывают чувство усталости по отношению к войне, а каждый четвертый — чувство разочарования. Чаще негативные чувства по отношению к войне испытывают те, кто за год войны стал беднее: люди, чей семейный доход стал меньше, и те, кто потеряли работу.
- Доля россиян, которые полагают, что война продлится больше года, с конца марта увеличилась в три раза, до 51%. Россияне больше не верят в скорое окончание войны и адаптируются к новой реальности, смиряются с ней.
- Средняя оценка достижимости целей войны по пятибалльной шкале — 3,16. Те, кто заявляют о поддержке войны, чаще других полагают, что цели выполнены на 3 и 4 балла, но не чаще других считают, что на 5 (5 баллов — “достигнуты все цели”). Число россиян, ответивших, что достигнуты все цели — 13%. А минимум каждый 10-й россиянин считает, что спустя год войны России не удалось достичь никаких целей войны.
- Говоря о причинах недостижения целей войны, 12% сказали о неподготовленности российской армии к войне; 10% — о том, что цели не достигнуты из-за гуманности российских сил, желания не навредить мирным жителям; еще 10% — о недостатке союзников.
- С мая число тех, кто не мог артикулировать цели войны, уменьшилось с 35% до 20%. Но, даже учитывая заметное снижение доли таких респондентов, к концу года войны каждый пятый не знает, зачем она проводится.
- Те, кто смотрят телевизор каждый день, могут артикулировать цели войны чаще. Из ответивших 17% считают целью борьбу с “нацистами”, еще 12% говорят о

² п.п. — процентных пункта

возвращении русских земель (под которыми, впрочем, подразумевается вся Европа и даже Вашингтон). 15% — победу России, не артикулируя конкретно, в чем это победа должна состоять. Прослеживается сюжет безликой победы, “войны без цели”. Кажется, что ответившим таким образом важнее не проиграть.

- Заявляющие о поддержке войны и те, чей социально-демографический портрет частично совпадает с характеристиками заявляющих о поддержке, чаще полагают, что украинцы и россияне являются единым народом; те, кто войну не поддерживают, чаще полагают, что не являются. Распределение по общей выборке: 54% говорят, что россияне и украинцы едины, а 36% не согласны с этим.
- 40% респондентов поддержали бы решение В. Путина вывести войска с территории Украины и начать мирные переговоры без достижения целей войны. По сравнению с сентябрьским послемобилизационным исследованием увеличилось и число тех, кто бы поддержал перемирие (+9 п.п.) и тех, кто, наоборот, не хотел бы принятия такого решения президентом (+13 п.п., до 47%). Если респондент полагает, что “противник” (ВСУ) будет наступать на российские территории после вывода войск, то логично, что перемирие он поддержит в меньшей степени.
- Больше половины респондентов (52%) полагают, что ВСУ продолжат наступление, если Россия выведет войска к границам до 24 февраля 2022 года. Скорее всего, это связано с влиянием мифа о том, что если бы Путин не начал войну первым, войска НАТО/Украины вторглись бы в Россию. Кроме этого, часть жителей России осознает потери, которые несет Украина и допускает мотивы возмездия.
- Две трети россиян (66%) считают, что возможная победа России принесет благо жителям Украины, 16% думают обратным образом.
- 46% россиян полагают, что если к 2024-му году война не закончится, президентские выборы проводить не следует. Это может быть связано с негативными представлениями о смене власти и ненужной нестабильности в такое тяжелое время. Кроме того, исход выборов может казаться predetermined, непонятно зачем тратить и так пострадавший от войны бюджет. Логично, что почти столько же — 48% — полагают, что сменяемость власти в стране принесет больше вреда.
- Респондентов спросили, что бы они сказали В. Путину, представься им такая возможность. Несмотря на заявляемый поллстерами высокий рейтинг одобрения деятельности В. Путина, только 25% опрошенных выразили бы Путину поддержку. 13% высказали бы экономические и социальные требования (“зачем нужна эта война? людей убивают, людей лишают жизни, дети останутся беспризорными сиротами. и зачем это все нужно? у нас в России столько дел —

не передать, а тут еще война") и задали бы вопросы об этих сферах ("где денег взять на еду?") и будущем России. 9% сказали бы, что война затянулась, и они не понимают её цели. 3% высказали бы неодобрение войны, 2% так или иначе потребовали бы его ухода с поста президента ("уйди"), 3% сказали, что отказались бы от разговора ("нет вопросов - мне с ним все понятно"). Так или иначе критически высказались бы 21% респондентов ("неодобрение войны", "требования уйти", "социальные и экономические требования", "отказываются говорить с Путиным", "недовольны ходом войны и хотят эскалации").

- Несмотря на военное время, большинство (47%) полагают, что в условиях дефицита государственные деньги в первую очередь следует тратить на социальную сферу, а не на войну.
- 1% опрошенных сказали, что сами участвовали или участвуют в войне в Украине, а 22% — о том, что участвуют их близкие.
- При этом к россиянам, которые стараются избежать участия в войне, их соотечественники по большей части относятся с пониманием: об этом сказали 47%, меньше — 36% — относятся к ним с осуждением.
- По ходу войны все меньше мужчин отвечают, что не готовы принять участие в войне. Сейчас таких 21%. Самое большое "падение" не готовых воевать наблюдается после объявления мобилизации.
- Больше половины мужского населения (18-60 лет) — 55% — говорят о том, что готовы принять участие в боевых действиях в Украине. Пойти на фронт добровольцем готовы 15% из них, остальные — только в рамках приказа.
- В вопросе о приемлемой единовременной выплате конкретно ответившие респонденты в целом ориентированы на уровень выплат, который озвучивается как принятая практика: это от 1 до 10 миллионов рублей. Число респондентов, назвавших сумму, 38%. Еще 17% спонтанно артикулировали позицию о том, что "человеческая жизнь бесценна". Остальные — 45% — затруднились ответить на вопрос.
- Результаты эксперимента показывают, что среди поддерживающих и не заявляющих о сомнении в этой позиции, общение с оператором о вопросах про войну значительно снижает оценки того, что война и Великая Отечественная война (ВОВ) похожи — это тот самый аргумент, который многие респонденты черпают из телевизионной государственной пропаганды. Т.е. на самом деле эти люди вполне способны к переосмыслению своих позиций, если начнут рассуждать независимо от пропаганды. Среди тех, кто поддерживает войну и уже ранее сомневался в своей позиции, нет колебаний в оценке схожести войны и ВОВ, они уже вполне устойчивы в своих позициях. Среди тех, кто не

высказал, что поддерживает войну и не сомневался в своей позиции, наблюдается снижение оценки схожести войны и ВОВ, но не очень существенное – т.е. их взгляды вполне устоявшиеся, хотя все еще подвержены воздействию через общение. Однако те респонденты, кто не высказал, что поддерживает войну и при этом заявил, что сомневался ранее в своей позиции, демонстрируют значительное снижение оценки схожести войны и ВОВ – это говорит о том, что они все еще в значительной степени находятся в процессе переосмысления происходящего.

- Жители регионов с более высокой безработицей реже одобряют уголовное преследование для противников войны и участие заключенных в войне, а также реже осуждают пытающихся избежать участия в войне.
- Размер негативного эффекта от экономических проблем на поддержку войны больше у тех респондентов, кто получает информацию о войне из ТВ. Т.е. наблюдаемое противоречие между плохой экономической ситуацией и нереальностью пропагандистских обещаний по ТВ, снижает поддержку в большей степени, чем просто наблюдение проблем с области экономики без просмотра ТВ. Конечно, это снижение поддержки происходит от более высокого уровня для тех кто получает информацию о войне из ТВ. Таким образом, в глазах этой группы респондентов экономические проблемы, вызванные санкциями, эффективно нейтрализуются пропагандистским содержанием ТВ.
- Для тех респондентов, которые получают информацию о СВО из ТВ, каждая экономическая проблема снижает поддержку СВО на 3 п.п. больше в волне 9, по сравнению с волной 8. Это соответствует 30% от эффекта экономических проблем.
- Размер негативного эффекта от экономических проблем на поддержку СВО не зависит от наличия высшего образования. Однако для респондентов без высшего образования экономические проблемы не создают дополнительных стимулов для того, чтобы поддерживать перемирие, в то время как для респондентов с высшим образованием, экономические проблемы значительно снижают неготовность к перемирию. По-видимому, это связано с тем, что респонденты с высшим образованием вполне осознают, что основная причина экономических проблем, с которыми они встретились, это война, которую надо останавливать. Однако, респонденты без высшего образования не могут последовательно связать в своем сознании кампанию в Украине и экономические проблемы, с которыми они встретились, и это не позволяет им осознать необходимость перемирия.

Динамика поддержки спецоперации за год

К концу года войны доля россиян, заявивших **о поддержке войны**, составила 58.5%. Число совпадает со средним за весь год и идентично проценту поддержки в первую неделю войны. Однако в течение года наблюдалась значительная динамика (График 1). Самый высокий уровень поддержки наблюдался в апреле — 66%. Можно предположить, что к тому моменту граждане уже перестали испытывать первоначальную неопределенность и тревогу от начавшейся спецоперации, а предполагаемые сроки ее продолжения тогда, на второй месяц войны, не казались превосходящими первоначальный план. Кроме этого, в апреле российские войска так или иначе показывали “успехи” на фронте: был взят Изюм, началась осада “Азовстали”, еще недавно российские войска находились в Киевской области. Самый низкий уровень поддержки наблюдался через неделю после мобилизации, в конце сентября — 51%. Рост поддержки в феврале 2023 по сравнению с опросом в конце сентября также обусловлен тем, что в нашу выборку попадает на 12 п.п. меньше городских жителей, среди которых на 3 п.п. молодые мужчины (18-34 года) из города и 6 п.п. городские женщины, то есть те, кто наиболее часто не поддерживают войну. Аналогичная проблема была [с октябрьской волной 8](#). Стоит отметить, что перевзвешивание лишь частично решает данную проблему, т.к. есть вероятность, что даже среди молодых людей на звонки чаще отвечают те, кто не избегает мобилизации и скорее поддерживает войну.

Сейчас тех, кто открыто выражает несогласие со спецоперацией, 11%. Самое низкое число не поддерживавших войну наблюдалось в начале марта 2022 года — 7%. Напомним, что именно в марте были приняты законы о “фейках” и “дискредитации российской армии”. После этого доля тех, кто открыто заявляет о своем несогласии, не показала существенной динамики, она остается такой же стабильной, как и доля поддерживающих.

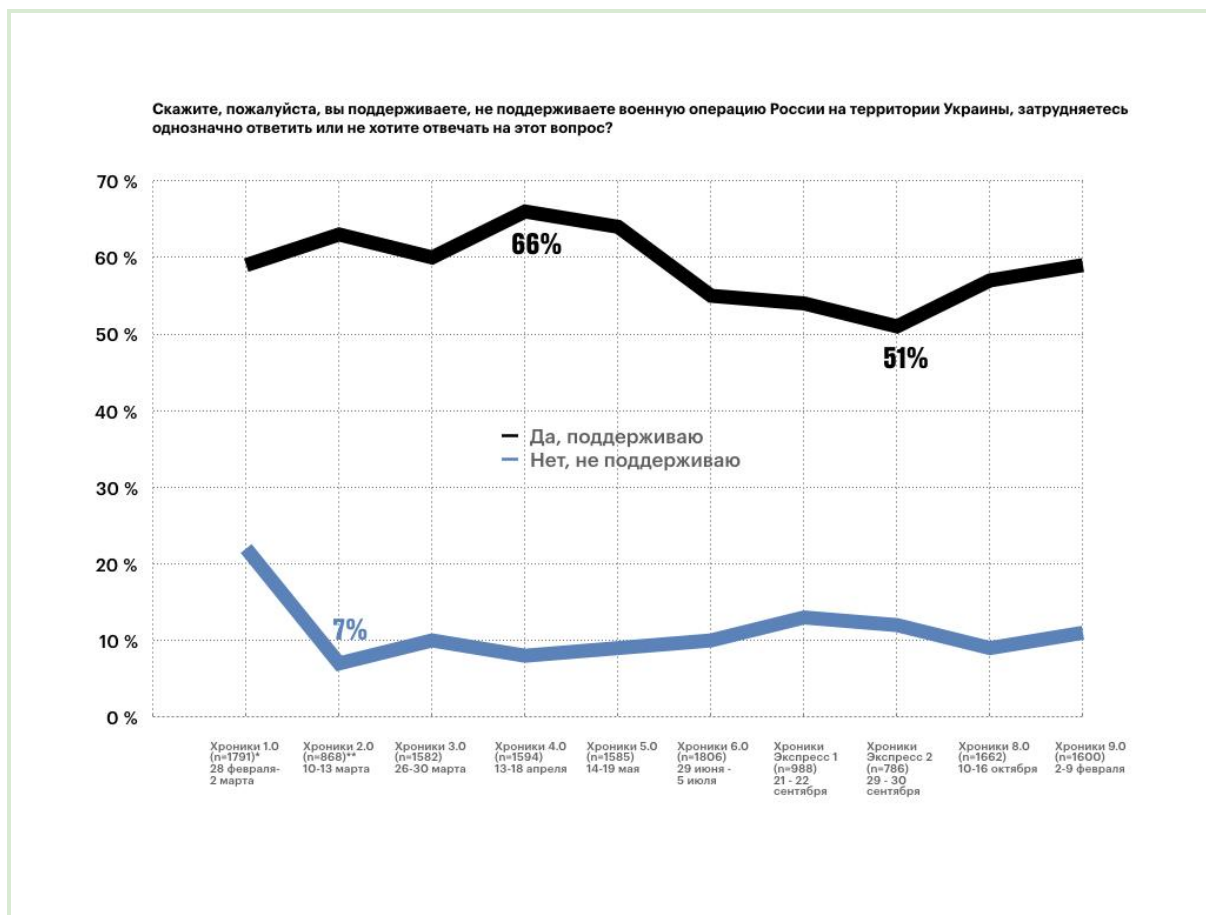

График 1.

Но важно отметить, что на протяжении всего года **как минимум каждый десятый россиянин открыто заявлял о неподдержке войны человеку, позвонившему с незнакомого номера, тем самым принимая на себя риски возможного административного и уголовного преследования.**

Респонденты также могли отказаться отвечать на данный вопрос (опция “не хочу отвечать на этот вопрос” зачитывалась в формулировке вопроса “Хроник” с конца марта 2022 года). Идея такой формулировки заключалась в том, чтобы дать респонденту легальную возможность не заниматься самодискредитацией, а также вызвать доверие к опросу. Если сложить число тех, кто отказался ответить на данный вопрос, с числом тех, кто затруднился ответить на него (а ответы вышеназванных групп по другим вопросам схожи), мы можем наблюдать довольно заметные динамические изменения.

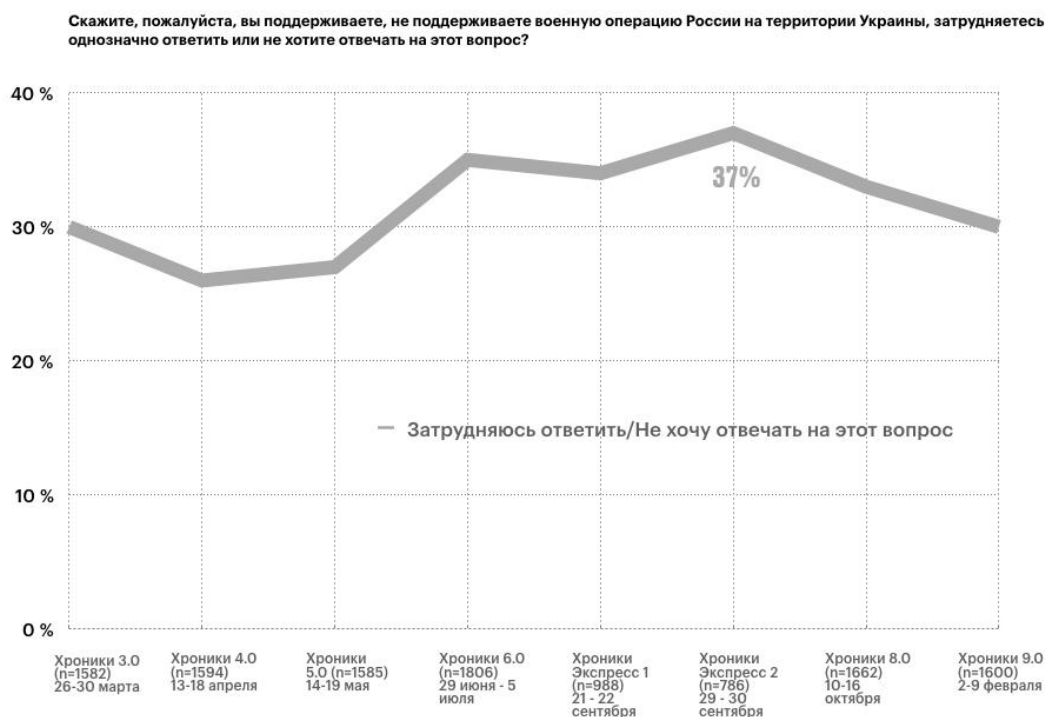

График 2.

В среднем за весь год около трети граждан (31%) затруднялись или не хотели отвечать на вопрос о том, поддерживают они войну или нет. Самая высокая доля ответивших таким образом (37%) приходится на 29-30-е сентября, то есть на неделю последовавшую после объявления частичной мобилизации. Последнее можно объяснить возросшим уровнем тревожности в принципе ([после мобилизации доля тех, кто чувствует себя тревожно резко выросла](#)), как следствие, стало больше респондентов, не готовых открыто обсуждать сензитивные темы. Логично и то, что все [меньше молодых людей готовы были в принципе разговаривать](#) с незнакомым человеком по телефону, а выражать свою позицию по поводу поддержки или неподдержки спецоперации — тем более. Есть как страх чрезмерного энтузиазма (вдруг предложат пойти на фронт), так и страх выразить недостаточную поддержку.

Мы не можем безапелляционно сказать, какой именно процент несогласных с войной “уходит” в категории “затруднистов” или не желающих отвечать. В конце концов вопрос действительно неоднозначный, поддержка войны зависит от многих факторов, люди зачастую не могут артикулировать свое отношение к войне. **Но можно утверждать, что доля тех, кто не поддерживает войну в принципе, существенно выше доли тех, кто готов свою позицию артикулировать.** [Показатели других источников измерения это подтверждают.](#)

Мы задали дополнительный вопрос о том, приходилось ли респонденту хоть раз сомневаться в своем отношении к войне, сразу после вопроса про отношение к кампании: *“Скажите, за прошедший год вам приходилось или не приходилось хотя бы иногда сомневаться в своем отношении к спецоперации?”*. 72% сказали, что не сомневались в своем отношении к войне, 21% — что им приходилось это делать. Число тех, кто не подвергал свою позицию сомнению, выше среди заявивших о поддержке войны (таких среди согласных с полномасштабным вторжением в Украину 87%, т.е. на 15 п.п. выше среднего по выборке). Бескомпромиссность такого отношения может объясняться безальтернативностью и категоричностью в оценке спецоперации официальными российскими СМИ. Причем, среди тех, кто смотрит телевизор каждый день, не сомневающихся в своей позиции тоже больше, чем в среднем — 79%, то есть на 7 п.п. выше среднего по выборке.

Чаще приходилось сомневаться в своей позиции тем, кто в настоящее время спецоперацию не поддерживает. Среди них процент тех, кто хотя бы иногда ставил свою позицию под сомнение, на 8 п.п. выше среднего по выборке и составляет 28%. Стоит отметить, что то отношение к войне, которое заявляется сейчас респондентом, необязательно совпадает с тем, которое было ранее. Таким образом, “сомнение среди не поддерживающих войну” нельзя интерпретировать как “сомнение в том, стоит ли неподдерживать войну”. Скорее наоборот, через сомнения в отношении к войне часть респондентов могла прийти от поддержки кампании к неподдержке. Противники войны — это люди, которые гораздо меньше смотрят телевизор. Можно предположить, что они критичнее относятся к любой информации и больше размышляют о войне. Следовательно, сомнение в своих позициях в принципе присуще этой группе. Кроме того, напомним, что сейчас такая точка зрения по факту криминализована, следовательно, мнения о поддержке кажутся доминирующими в окружении респондентов. Неудивительно, что, ***находясь в столь некомфортной для себя позиции, противникам спецоперации приходится хотя бы иногда сомневаться в правоте своих суждений***.

Скажите, за прошедший год вам приходилось или не приходилось хотя бы иногда сомневаться в своем отношении к спецоперации?

	Все опрошенные	Поддерживают СВО	Не поддерживают СВО
Приходилось	21	11	28
Не приходилось	72	87	66
Затрудняюсь ответить/отказ	7	1	8

График 3.

Ситуацию для противников войны не облегчает и тот факт, что 41% россиян одобряют уголовное наказание для тех, кто осуждает спецоперацию и выражает свою позицию открыто. Немногом больше — 44% — не одобряют уголовное наказание для таких людей.

Как изменилась жизнь россиян за год?

Начиная с марта 2022 года мы наблюдаем снижение уровня доходов респондентов. В феврале 2023 года 43% россиян констатировали это изменение в своей жизни, и это на 4 п.п. выше средних показателей за год.

Аналогичные выводы можно сделать и по поводу числа россиян, которые потеряли работу или бизнес. Самый заметный скачок произошел в июле: доля тех, кто сказал, что это с ними это произошло, выросла на 9 п.п., то есть с 3% до 12%. А число тех, кто признал, что с ними это произошло в феврале 2023 — 9%, что на 5 п.п. выше среднего по выборке. Учитывая плавную, но стабильную динамику, можно предположить, что число таких людей будет расти.

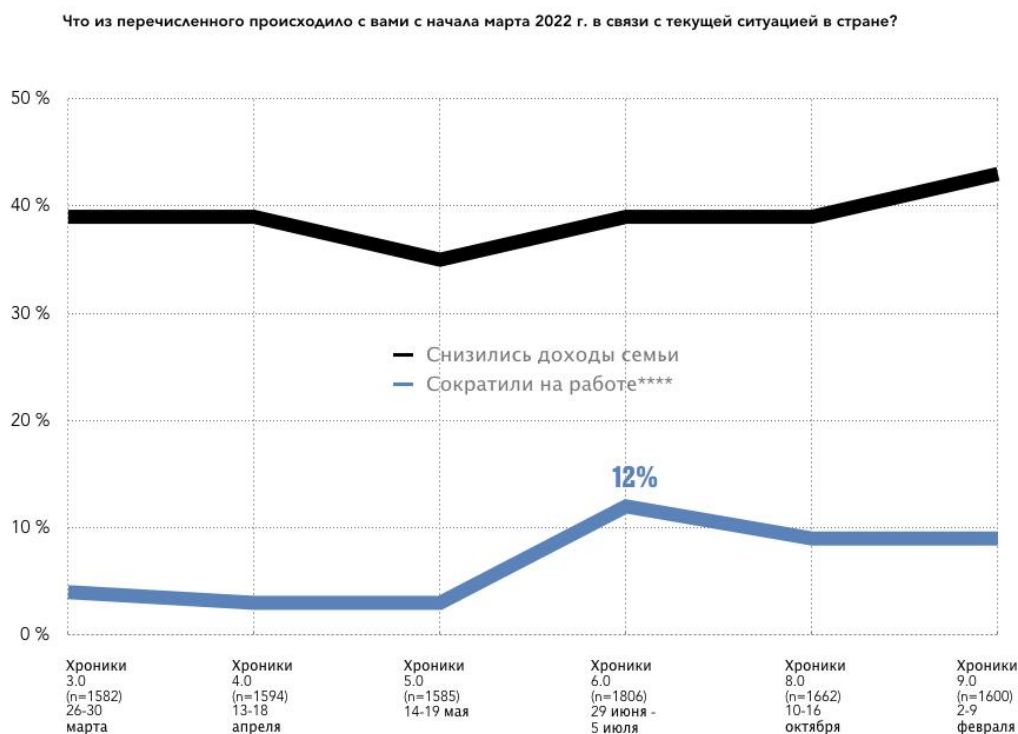

График 4.

Мы можем наблюдать высокую динамику, рассматривая показатели числа людей, которые сказали о том, что с марта прошлого года они **испытывали приступы тревоги**. В феврале 2023 года таких россиян 62%, на 12 п.п. больше, чем в октябре 2022 года. Не следует делать поспешных выводов об изменении в психологическом самочувствии россиян: в вопросе этой волны из формулировки было убрано слово “депрессия”, чересчур стигматизированное в нашем обществе. Диагностировать такое состояние у себя — общественно- порицаемо.

Параллельно растёт доля тех, кто испытывает страх и тревогу по поводу войны (с апреля доля таких людей увеличилась на 22 п.п., до 61%), уменьшилась доля тех, кто испытывает уверенность и спокойствие (на 15 п.п., до 48%).

В июле мы зафиксировали 26% респондентов, которые перестали общаться с близкими друзьями и родственниками. Причины могли быть разные: взгляды на политику и войну, потери связи с теми, кто уехал из страны или ушел на фронт. В начале 2023, спустя полгода, эта цифра снизилась до 20%. Видимо, часть отношений была восстановлена. **Тем не менее, каждый пятый россиянин потерял контакт с кем-то из близких из-за текущей ситуации в стране. Этот показатель выше среди противников войны.**

С октября на 5 п.п. выросло число респондентов, сказавших о том, что из продажи исчезли важные для них лекарства — с 16% до 20%. Причем распределение ответов в группе пенсионеров, которые традиционно чаще обращаются за медицинской помощью и в бóльшей степени зависят от медицинских препаратов, не отличается от средних значений по выборке (среди пенсионеров о том, что лекарства исчезли, сказали 16%). Скорее всего, такой неожиданный результат объясняется первоначальной установкой по отношению к тому, что происходит в стране. **Если респондент поддерживает войну и вытекающую из нее экономическую политику государства — он будет склонен не замечать сопутствующих бытовых неудобств.** Или, по крайней мере, он не будет их излишне проблематизировать. И наоборот, чаще замечают нехватку лекарств респонденты, которые, казалось бы, должны в меньшей степени потреблять медикаменты: это люди 30-39 лет и учащиеся (помимо этих двух групп замечают нехватку лекарств те, кто пользуется VPN и прямо заявляет, что не поддерживает войну). Можно предположить, что если респондент не согласен с проводимой политикой, все связанные с ней неудобства становятся для него заметным.

Очевидно, что нельзя отрицать и обратную причинно-следственную связь: если на человека влияют последствия войны (причем существенным образом), он будет поддерживать ее гораздо меньше. Это объясняет, почему к группе противников войны традиционно (то есть на протяжении всех исследований “Хроник”) присоединяются люди с плохим материальным положением и те, у кого материальное положение стало хуже.

Отвечая на вопрос о том, лишились или не лишились респонденты доступа к важным интернет-сервисам с марта 2022 года, 15% сказали, что это с ними произошло. Среди людей от 18-ти до 29-ти лет и учащихся доступа к сервисам лишился минимум каждый третий (36% и 34% соответственно).

Чувства по отношению к спецоперации

Мы задали вопрос о том, какие чувства россияне испытывают относительно военных действий в Украине. Мы предложили некоторый набор чувств, и, хотя он не является исчерпывающим, он в достаточной степени охватывает спектр переживаний.

Артикуляция собственных эмоций без подсказки всегда сложная задача для респондента в условиях телефонного опроса, поэтому мы зачитывали название чувства/эмоции и предлагали интервьюируемому сказать, испытывает он ее или нет. Рассмотрим наиболее показательные данные по этому вопросу.

Доля испытывающих гордость уменьшилась на 18 п.п. с апреля (тогда таких людей было 69%, сейчас — 52%). Гордость — довольно сложная эмоция, частично составляющая

самооценку, и она не могла не измениться в связи с затягиванием спецоперации и неудачами на фронте.

Аналогичная динамика отмечается и по поводу “воодушевления” относительно войны. Число испытывающих это чувство уменьшилось на 9 п.п., до 31%. Большая часть не испытывала воодушевления и раньше — 53%. Воодушевление (также, как и гордость) нуждается в очевидных успехах.

88% тех, кто поддерживает войну, подтвердили, что переживают чувство справедливости происходящего; война для них реализует праведные цели.

78% противников войны чувствуют гнев и возмущение.

37% всей выборки устали от войны, а каждый четвертый россиянин испытывает чувство разочарования — таких в выборке 25%.

Скажите, какие чувства вы испытываете в настоящий момент относительно военной операции на Украине? Я буду перечислять разные чувства, скажите, испытываете вы их или не испытываете:	Все опрошенные	Поддерживают СВО	Не поддерживают СВО
Гордость	52	70	10
Воодушевление	31	43	4
Справедливость	66	88	16
Гнев/возмущение	37	31	78
Усталость	37	26	61
Разочарование	25	12	67

График 5.

Большинство россиян психологически вовлечены в войну в Украине. О том, что испытывают к войне безразличие, сказали лишь 6%; для 93% чувство безразличия не оказалось релевантным.

Чаще чувство безразличия испытывают противники войны (среди них безразличны к этой теме 13%, то есть минимум в 2 раза больше, чем в среднем по выборке). Они же чаще остальных групп отвечают, что не следят за ходом войны в Украине и не могут влиять на события в своей жизни. Эта отстраненность от военной повестки понятна: перспективы окончания войны не просматриваются, как и возможности каким-то образом влиять на происходящее в стране. Зачем в этом случае вовлекаться в эту тему и лишний раз расстраиваться?

Цели войны и оценка их достижения

С октября заметно выросло число россиян, которые считают, что война продлится еще минимум 12 месяцев. Так, на 8 п.п. до 26% увеличилось число тех, кто полагает, что она продлится еще год; на столько же — 8 п.п. — выросла доля полагающих, что она продлится больше года (до 24%). Для сравнения **доля тех, кто полагал, что спецоперация продлится год и больше в начале войны составляла 15%, сейчас в три раза больше — 51%.** Число тех, кто полагает, что война продлится еще не больше 11 месяцев, за год упало в 3 раза: с 56% до 21%. Россияне перестали верить в блицкриг и готовятся к долгой войне.

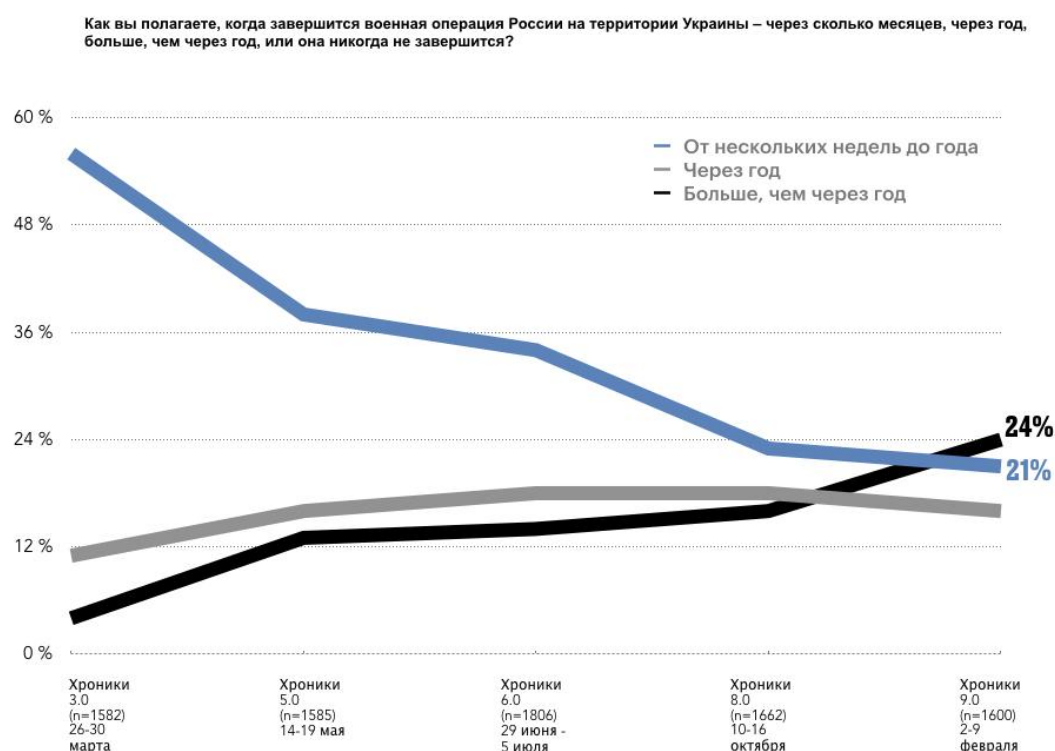

График 6.

Мы попросили респондентов оценить, насколько по их мнению достигнуты цели военной операции, по 5-ти бальной шкале, где 1 — не удалось достичь никаких целей, а 5 — удалось достичь всех целей.

Две радикальные позиции “не удалось достичь никаких целей” и “удалось достичь всех целей” набрали наименьшее число выборов: 11% и 13% соответственно. Наибольшее число выборов получила оценка “3” — так достижение целей оценили 36% россиян.

<p>Оцените, насколько России удалось достичь целей специальной военной операции, по шкале от 1 до 5, где 1 - не удалось достичь никаких целей, а</p>	1 (не удалось достичь никаких целей)	11
	2	10
	3	36
	4	20
	5 (удалось достичь всех целей)	13
	Затруднились ответить/не понимаю целей/отказ	9
Среднее значение	3.16	

График 7.

На вопрос о том, почему цели спецоперации не достигнуты, ответили 77% респондентов³. Из них 12% сказали о неподготовленности армии и главнокомандования (“вооруженные силы не были готовы совершенно, в плане наших солдат: голодные, холодные”, “министр обороны не имеет к военному делу никакого отношения”, “пока не поставят на военные посты здоровых генералов, лучше не будет”, “не была Россия готова к такой спецоперации”).

³ Вопрос задавался тем, кто оценил достижимость целей спецоперации в предыдущем вопросе в диапазоне 1- 4. (Вопрос звучал следующим образом: “Оцените, насколько России удалось достичь целей специальной военной операции, по шкале от 1 до 5, где 1 - не удалось достичь никаких целей, а 5 - удалось достичь всех целей”).

10% процентов говорят о том, что цели кампании не достигнуты из-за гуманизма россиян. При этом в расшифровках наблюдается явное противоречие. С одной стороны соотечественники видят себя добрыми и гуманными людьми (*“мы очень мягкие, с большой совестью”, “по причинам нашей доброты”, “потому что мы очень гуманная нация”*), с другой — в этой же группе респонденты делают вывод о том, что необходимо убивать мирных жителей и повреждать инфраструктуру городов (*“пустить им ракету и сразу разбить в пух и прах, особенно Зеленского”, “не воюем как надо, надо всё разбомбить к чёртовой матери”, “[причина недостижения целей] - ненанесение ударов по центрам принятия решений/ж/д станциям/электростанциям, “Украину надо уничтожить, бендеровцы хуже фашистов”*).

Еще 10% говорят о недостатке союзников у России, по факту идет речь о провале российской дипломатии (*“трудно воевать со всем миром”, “слишком много противников у России”, “потому что мы одни”, “помогают Украине многие”, “нет союзников”, “мы в одиночестве, никто не помогает”*).

9% уверены, что до достижения всех целей спецоперации должно пройти еще какое-то время (*“большая территория, быстро не делается”, “капитуляция Украины не подписана”, “не все территории забрали на Украине, ненависть еще есть. Еще много работы предстоит”*).

С мая наблюдается динамика: число респондентов, которые не могут артикулировать цель украинской кампании, сократилось на 15 п.п. с 35% до 20%. И все-таки **спустя год войны каждый пятый россиянин не понимает, зачем Россия воюет с Украиной.**

Среди противников войны доля тех, кто не понимает ее целей, существенно выше (35%, на 15 п.п. выше среднего по выборке). Такие респонденты не могут с такой же легкостью, как сторонники, принять декларируемые цели. Возможно, многие из них полагают, что вторжение в Украину не мотивировано поводами, продвигаемыми официальными СМИ, поэтому им сложнее называть ее цели, они чаще уходят в позицию “не знаю”.

С большей регулярностью называют цели те, кто смотрят телевизор каждый день: среди них число тех, кто “знает” цели спецоперации — 86%, в среднем по выборке — 80%. **Из расшифровки открытых вопросов мы видим, что такие люди воспроизводят штампы, продвигаемые государственными СМИ.**

17% (из 80% ответивших на вопрос) говорят о денацификации, победе над нацизмом. Расшифровка ответов показывает эмоциональную заряженность респондентов: *“убрать бондырлогов”, “добить и уничтожить”, “как они были Бандерами так и есть”*.

Остальные “официальные” цели: обеспечение безопасности России и разоружении Украины, защита русскоязычного населения — называются гораздо реже.

Следующим наиболее частым ответом является победа России в войне. То есть 15% из ответивших на открытый вопрос считают войну целью самой по себе: цель войны — победить в войне, без какой-либо конкретизации (*“победим и все будет хорошо”, “Победа за нами!”*, *“мы добьемся своего”*). Число полагающих таким образом выросло с мая на 10 п.п.

Еще 12% считают, что цель войны — вернуть русские земли. Из ответов понятно, что экспансия “русскими землями” не ограничивается (*не отдать Украину американцам, а себе оставить*”, *“дойти до Вашингтона”*, *“победить фашизм захватить территорию до Польши и возможно дальше”*).

Защита населения Донбасса по числу упоминаний занимает 4-е место (8% выборов), а цель вернуть мир — на 5-м (7%).

Вот как распределялись ответы на вопрос о сути целей спецоперации год назад.

Как вы полагаете, когда завершится военная операция России на территории Украины – через сколько месяцев, через год, больше, чем через год, или она никогда не завершится?

Хроники 5.0 (n=1585) 14-19 мая			Хроники 9.0 (n=1600) 2-9 февраля
Уничтожение нацизма/ фашизма/очищение/ денацификация	27	денацификация, победа над фашизмом, демилитаризация	17
Защита/От НАТО/ Спасение России	9	победа России	15
Освобождение людей/ земель	7	вернуть "русские" земли, присоединить Украину, дойти до Польши, до США, до Зап.Украины	12
Достижение мира/ Завершение войны	7	защита населения, освободить Украину, Донбасс	8
Демилитаризация	6	мир	7

График 8.

Несмотря на некоторое различие в кодировке открытых ответов на вопрос, можно выделить определенные тенденции. **Если в мае прошлого года респонденты скорее воспроизводили формулировки целей от официальной пропаганды, то теперь в ответы все чаще “вплетаются” сюжеты, связанные с окончанием войны.:** Это:

“победа и чтобы все наладилось” и пожелания мира, которые в расшифровках часто связаны с окончанием войны: *“скорее закончилось, смирились, прекратить войну”, “чтобы наступил мир, люди появляются не для того, чтобы воевать, а чтобы жить и радоваться”*. Повторимся: данные открытых вопросов сложны для репрезентативного анализа, поэтому выводы можно строить только в обобщенно — в спонтанных целях все чаще звучит желание завершения войны.

Мы спросили респондентов, о том, являются или не являются сейчас россияне и украинцы одним народом. Больше половины россиян — 54% — считают, что являются, но больше трети — 36% — не согласны с этим утверждением.

О том, что украинцы являются единым народом с россиянами, чаще говорят люди, поддерживающие войну (66% среди поддерживающих, 41% среди противников). Эти же люди чаще выражают уверенность, что возможная победа России принесет благо украинцам. Так можно сделать вывод, что такие респонденты трактуют единство в первую очередь как отсутствие суверенитета, а Россию видят в роли “заботливого” старшего брата.

Две трети — 66% — считают, что возможная победа России принесет благо жителям Украины. Среди тех, кто за “единство” так считают 76%. Всего 16 % в среднем по выборке не согласны с тем, что россияне и украинцы один народ.

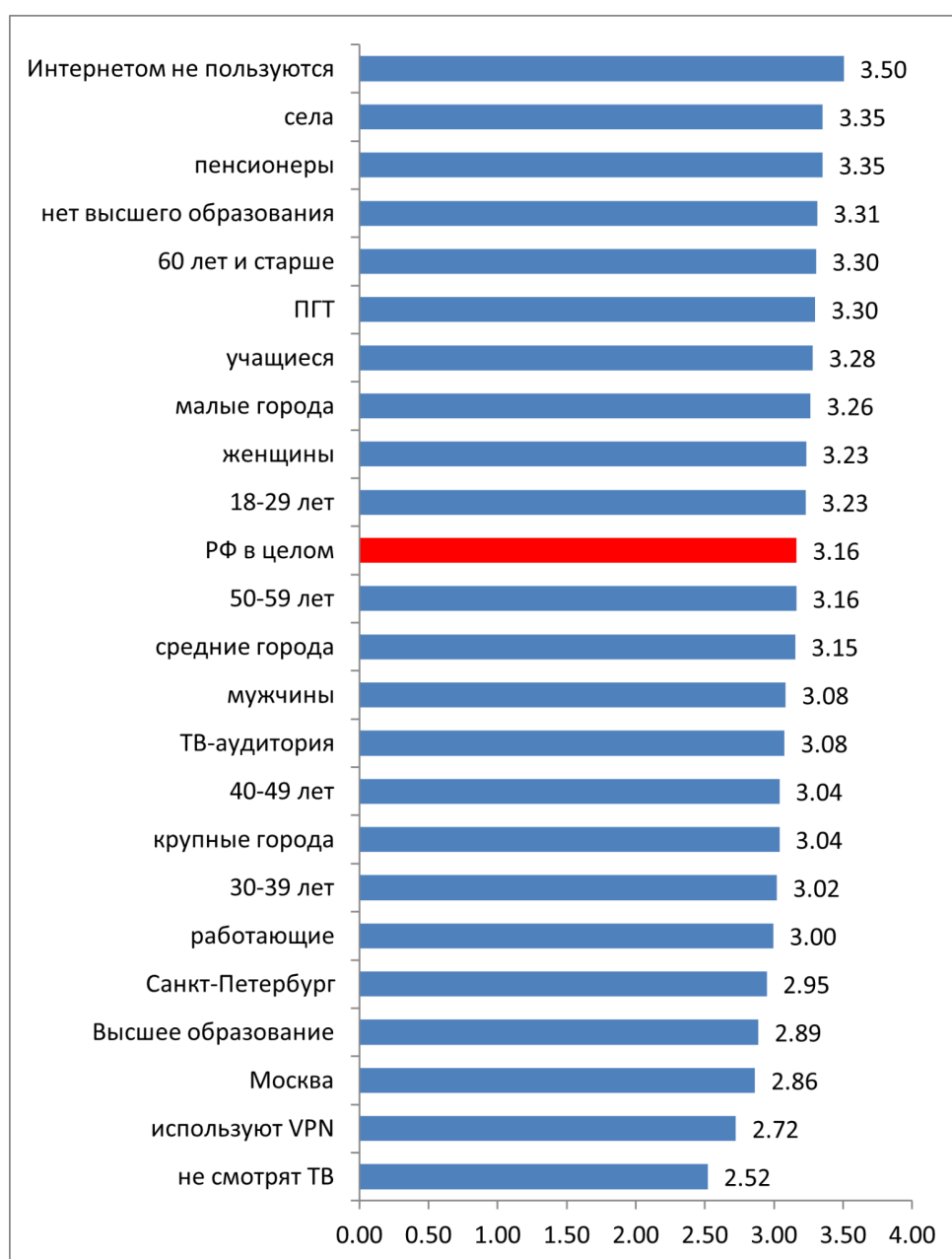
В июне мы предлагали респондентам написать телеграммы простым украинцам. Наиболее популярным посланием было: “Держитесь! Мы вас спасем”. В этой массовой убежденности, что Россия воюет не с украинцами, а с нацистами и НАТО, один из основных корней поддержки войны. Задолго до войны и до последнего времени сам В.Путин поддерживал нарратив о единстве русского и украинского народа.

Противники войны более неоднозначно относятся к “единству” народов. Три четверти уважают суверенитет украинцев и понимают нелепость ожидания блага для украинцев от победы России. Четверть противников войны видят в украинцах братьев, вторжение на территорию которых недопустимо.

Анализ достижимости целей по группам

Мужчин в меньшей степени удастся убедить в эффективности военных действий, чем женщин (3,08 vs. 3,22). Возможно более высокая искушенность проходивших хотя бы в какой-то части, азы военной службы, представления о технических возможностях различных видов вооружений, а также лучшие представления о географии театра военных действий не позволяют российским мужчинам верить государственной пропаганде.

Жители российских столиц куда скептичнее оценивают успехи на фронте, чем жители сел (2,86 и 3,35 соответственно). В целом чем меньше населенный пункт, тем выше уверенность в успехах. Скептически смотрят на военную кампанию россияне с высшим образованием (2,89). Как видим, чем дальше от социального центра находится та или иная группа, тем ниже ее оценка достижения целей. Иначе говоря, наибольшее одобрение текущего результата войны мы находим на социальной периферии – в малых населенных пунктах, среди не имеющих высшего образования, среди женщин. Отчасти это подтверждается в группах различной занятости. Работающие россияне ставят войне «тройку», в то время, как учащиеся и пенсионеры значительно больше: 3,28 и 3,35 баллов соответственно. Невысокого мнения о результатах войны жители экономически активных возрастов: 3,02-3,04 баллов, в то время как молодежь и старшие поколения считали, что успехов на фронте больше.

Очевидно, что каналы коммуникации самым решительным образом формируют образ текущей войны в массовом сознании. Действительно, те, кто ежедневно смотрит телевидение, считает, что операция далеко продвинулась в достижении своих целей (3,34), а те, кто не смотрит его вовсе, с не согласны с первыми (2,59). Противоположное влияние у интернета: использующие его постоянно полагают, что операция буксует (3,08), а те, кто лишен возможностей доступа к широкому спектру мнений и материалов, уверен в обратном (3,50). Еще ниже оценка успехов на фронте среди тех, кто использует VPN (2,72). Как видим, чем более однородная информация доступна зрителю, тем более оптимистично он смотрит на украинскую кампанию, чем шире и разнообразнее доступная ему информация, тем он пессимистичнее.

Разумеется, среди поддерживающих войну выше и оценка ее хода (3,4), в то время, как среди ее противников (1,9). Полагающие, что война несет благо жителям Украины, оптимистичнее тех, кто уверен в отсутствии такого влияния (3,5 и 2,3 соответственно). Чем ближе кажется окончание боевых действий, тем ближе видится достижение их целей: среди тех, кто надеется, что война закончится в ближайшие три месяца – 3,8, среди тех, кто считает, что она не закончится и через год, - 2,9. Как видим, чем позитивнее человек оценивает саму операцию, перспективы ее окончания, тем выше текущий результат. Напротив, противники войны — те, кто не видит пользы от нее жителям Украины и думает, что она затянется на долгие годы — считают, что кампания и не достигла значимых результатов.

Желание принять участие в успешной операции очевидно выше, чем в той, где успеха нет. Потенциальные добровольцы считают, что война на 3,40 достигла целей, а те, кто готов поучаствовать в этой операции только по приказу военного комиссара — на 3,21. Напротив среди тех, кто не готов в ней участвовать, этот показатель существенно ниже — 2,30. Как видим, россияне рассматривают войну как успешную операцию, участие в которой определяется именно успешным ее ходом.

Россияне, столкнувшиеся за последний год с разными видами повседневных проблем: потеря работы, ухудшение материального положения, разрыв общения с родными и близкими, потеря доступа к важным интернет-ресурсам и лекарствам и т.д. также скептически смотрят на достигнутые результаты на фронте. Если человек отмечает хотя бы одну из возникших проблем, он значительно ниже оценивает войну. Можно предположить, что в массовом сознании успехи на фронте связаны с наличием проблем в тыловой повседневности: если есть проблемы в тылу, то есть они и на фронте, есть успехи на фронте — меньше проблем в тылу. Иначе говоря, события на войне воспринимаются в совокупности с событиями повседневной жизни.

Очевидно, что восприятие достижений целей войны, заявленных президентом год назад, связано с намерением сохранить главу государства на прежнем посту. Так, россияне, полагающие, что сменяемость власти в нашей стране принесет больше вреда, выше оценивают достигнутые результаты операции, чем те, кто уверен в пользе такого обновления (3,48 против 2,30). Как видим, война и ее возможный результат довольно жестко и однозначно связан в массовом сознании с образом Владимира Путина и его бесконечного правления.

График 8.2

Социальные группы		Средняя оценка достижения целей СВО
РФ в целом		3,16
	сторонники СВО	3,44
	противники СВО	1,88
Сменяемость власти в России принесет больше вреда или больше пользы?	больше вреда	3,48
	больше пользы	2,30
Война закончится	раньше, чем через год	3,45
	Через год	3,28
	Больше чем через год	2,87
возможная победа России благо жителям Украины...	принесет	3,42
	не принесет	2,28
Вас или кого-то из членов вашей семьи уволили на работе или же вы потеряли бизнес.	ДА	2,98
	НЕТ	3,18
Материальное положение вашей семьи ухудшилось	ДА	2,91
	НЕТ	3,35

Вам приходилось больше экономить на продуктах из-за роста цен.	ДА	3,05
	НЕТ	3,29
Вы перестали общаться с некоторыми близкими друзьями и родственниками.	ДА	2,95
	НЕТ	3,22
У вас случались приступы тревоги.	ДА	2,97
	НЕТ	3,35
Из продажи исчезли важные для вас лекарства.	ДА	2,94
	НЕТ	3,22
Вы лишились доступа к важным для вас интернет-ресурсам, сервисам	ДА	2,62
	НЕТ	3,27
Вы готовы или не готовы принять участие в военных действиях в рамках спецоперации?	не готов	2,30
	готов добровольно	3,40
	готов в рамках приказа	3,21

Итак, собранные данные позволяют убедиться, что высокая оценка эффективности войны доминирует на социальной периферии российского общества, в то время, как социальный центр (столицы, люди с высшим образованием, люди в наиболее экономически активном возрасте) уверен в незначительности достигнутых результатов.

Готовность к перемирию

Мы спросили респондентов, как бы они отнеслись к решению президента вывести войска с территории Украины и начать мирные переговоры. 40% сказали, что поддержали бы такое решение, но более высокий процент (47%) — что нет.

Если сравнить эти данные с ответами в опросе, проведенном после мобилизации, то видно, что число затруднившихся ответить на этот вопрос уменьшается. В то же время растет число тех, кто поддержит решение В. Путина: на 9 п.п., до 40%, но больше (хоть и не намного) выросло число тех, кто такое решение не поддержит: на 13 п.п., до 47%. В этом вопросе отчетливо виден раскол России на тех, кто против войны или устал от нее, и тех, кто или убежденно поддерживает войну или хочет идти до конца, чтобы оправдать жертвы и не стать территорией контрнаступления.

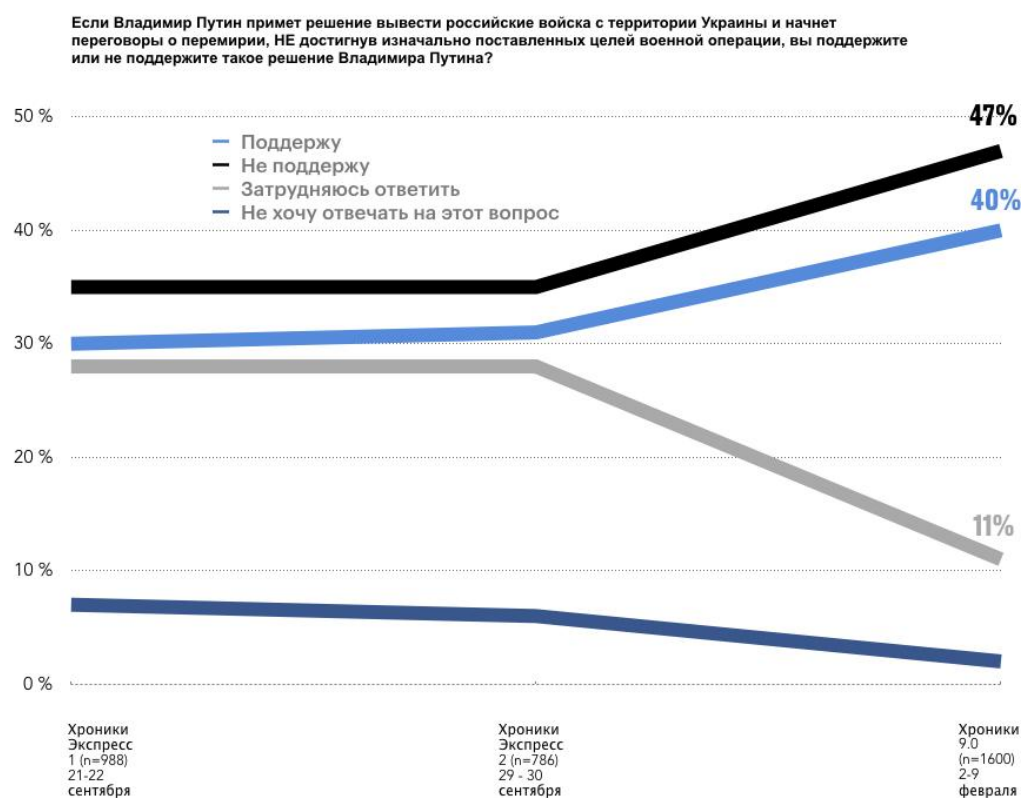

График 9.

Хотя количество россиян, выступающих за перемирие без достижения всех целей, не очень мало (40%), тем не менее не нужно забывать, что однозначно ответить на вопрос невозможно. Одно дело, если речь идет о выводе войск на границы до 24 февраля 2022 года, тогда, возможно, ответивших таким образом и следовало бы записать в условных противников войны. Но если речь идет о прекращении огня и заключении перемирия с “завоеванными” территориями, тогда эта позиция тоже может считаться “захватнической”. Частично это подтверждается и тем, что чаще согласны на перемирие те, кто считает, что цели войны достигнуты на 4 и 5 баллов. Напомним, что по итогу референдумов В. Путин и сам призывал украинскую сторону сесть за стол переговоров, в этом смысле позиция вышеозначенных респондентов ничем не отличается от мнения главнокомандующего.

Логично, что готовность к перемирию взаимосвязана с представлением о намерениях “противника”. Мы спросили респондентов, будут или не будут, по их мнению, вооруженные силы Украины продолжать боевые действия на территории России, если российские войска вернутся к границам до 24 февраля 2022 года. Те, кто считают, что будут, реже проявляют готовность к перемирию и наоборот.

В целом по выборке большинство — 52% — полагают, что ВСУ продолжат наступление, вдвое меньше респондентов такую возможность не допускают.

Сменяемость власти и война

Отвечая на вопрос о том, следует или не следует проводить выборы президента в 2024 году, если спецоперация на тот момент не закончится, почти половина респондентов (46%) говорит о том, что проводить выборы не следует. Этот показатель может отчасти являться уровнем безальтернативной поддержки Путина. Одновременно свой вклад дает прагматическое соображение, что выборы — мероприятие с предрешенным результатом — непозволительная роскошь в условиях кризиса. Причем проблема усугубляется не только тем, что ресурсы надо тратить на достижение победы, но и тем, что все меньше денег остается на социальные расходы.

Но 37% полагают, что выборы все-таки проводить следует. И неудивительно, что этот показатель выше у тех, кто не поддерживает войну и, очевидно, Путина (среди них этот показатель 61%).

Хотя никто, включая сторонников войны, не верит, что смена президента поможет остановить войну (всего 15% думают подобным образом). 40% считают, что если В. Путин уйдет в отставку, война все равно продолжится. Но вопрос сложный, и большинство — 46% — не смогли на него ответить.

46% полагают, что сменяемость власти в России в принципе принесет стране больше вреда. Этот параметр отчасти коррелирует с вопросом о целесообразности выборов в

2024-м году, но еще больше он является симптомом общего синдрома консерватизма, лояльности В. Путину и войне, готовности идти до конца.

25% затруднились с ответом на этот вопрос, но почти каждый пятый (19% россиян) полагает, что сменяемость власти принесет стране больше пользы, чем несменяемость.

Послание президенту

Респондентов также спросили о том, чтобы они сказали или спросили у В. Путина, если бы им представилась такая возможность. Из 63-х процентов ответивших, 11% пожелали бы В. Путину победы и действовать более жестко; ровно столько же ответивших (11%) волнуют вопросы социальной политики и экономики (*“давайте закончим войну и начнем развивать нашу родину, дороги, культуру”, “почему в Европе люди живут спокойнее, чем в России”, “почему на военный бюджет вкладываются такие деньги, люди живут в трущобах”, “чтобы он заботился не только на территории Украины, но и на территории своей страны заботился о гражданах и сколько можно жить в нищете”*). 6% волнует вопрос окончания войны, и они задаются вопросом: а была ли возможность ее не начинать? (*“Попрошу прекращение бойни”, “попросил чтоб вернул моего сына”, “был ли другой возможный путь избежать этот конфликт?”, “неужели нельзя было не делать этого, не начинать спецоперацию?”, “сказал: что ты наделал?”, “как долго еще будут происходить военные действия и сколько еще человек погибнет за это, ведь в итоге все равно будут переговоры?”, “до какого времени он планирует идти до конца,если они не будут сдаваться?”*).

Озабоченность внутренней политикой отражается и в распределении ответов на вопрос о том, куда в условиях дефицита следует тратить бюджетные средства. Так, большинство респондентов — 47% — несмотря на военное время все же полагает, что средства должны быть направлены на социальную сферу, в том числе медицину и образование. На 10 п.п. меньше — 37% — полагают, что в первую очередь следует финансировать вооруженные силы.

Готовность участвовать в боевых действиях.

Отношение к уклонистам

Мы задали вопрос о том, как относятся россияне к соотечественникам, которые уклоняются от участия в войне. Среди тех, чьи близкие участвуют в войне, процент осуждающих выше (41% против 34% тех, у кого нет близких, ушедших на фронт).

В целом по выборке россиян, которые относятся к “уклонистам” с пониманием, больше, чем тех, кто их осуждает: 47% и 36% соответственно.

Еще одна категория, которая относится к уклонистам с пониманием — те, у кого жизнь существенно изменилась за год не в лучшую сторону: люди, чей семейных доход сократился, потерявшие работу, вынужденные экономить и столкнувшиеся с тем, что из продажи исчезли важные лекарства. Солидарны с ними по этому вопросу и те, кто заявляет, что денег не хватает даже на питание.

Одни относятся к россиянам, которые уклоняются от участия в специальной военной операции на Украине, с осуждением. Другие относятся к таким людям с пониманием. Какая позиция ближе лично вам?

		Кто-нибудь участвует?		Денег не хватает даже на питание
		кто-то из семьи участвует	таких людей нет	
с осуждением	36	40.9	34.4	31.2
с пониманием	47	40.0	49.3	57.3
	17			

График 10.

Есть гипотеза, что именно такие уязвимые группы больше других переживают на тему мобилизации. На их и без того шатком положении всегда в большей степени сказываются глобальные социальные события. Война и перспективы потерять одного из членов семьи (который, возможно, вносит существенный вклад в семейный бюджет) способствует тому, что такие люди более лояльно относятся к попыткам избежать отправки на фронт.

Рассмотрим насколько мужчины готовы принять участие в военных действиях в Украине. Вопрос задавался по двум границам мобилизационного возраста: от 18 до 60 лет.

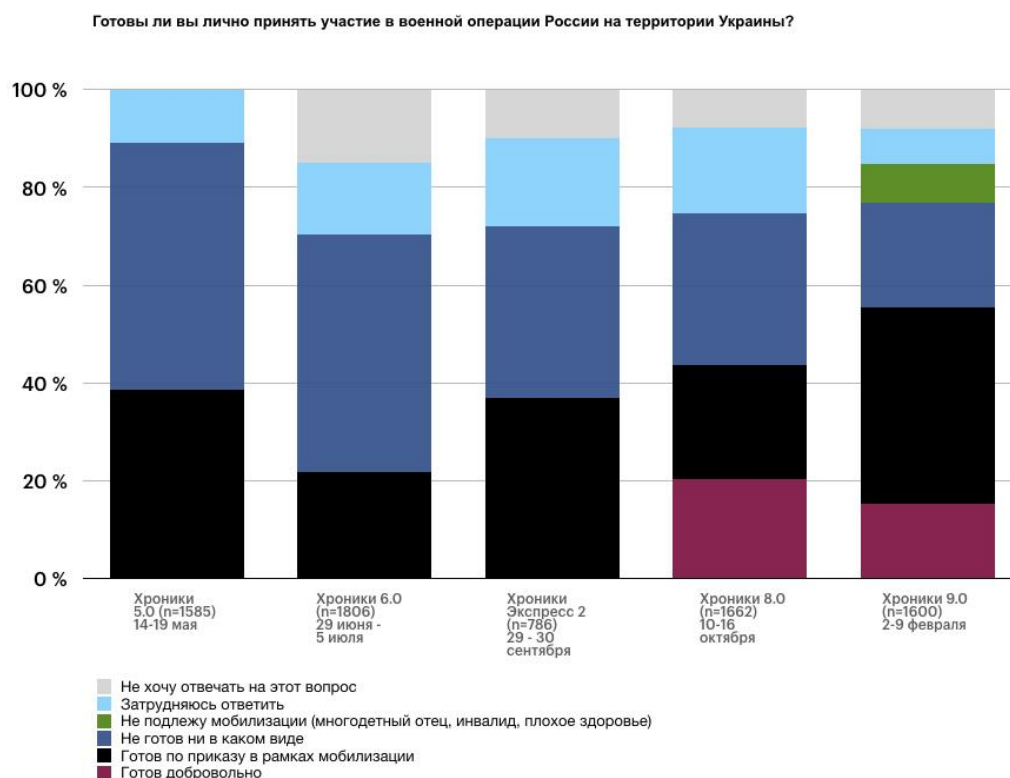

График 11.

С октября динамика заметно изменилась.

Спустя год войны каждый пятый мужчина мобилизационного возраста (21%) не готов принять участие в боевых действиях в Украине. Это самый низкий показатель за все время наблюдений. В мае прошлого года 51% россиян не были готовы принимать участие в войне. **Чем дольше идет война, тем меньше мужчин отвечают, что не готовы воевать.**

Самый мощный “скачок” наблюдается в октябре, после объявления частичной мобилизации (доля не готовых воевать снизилась с 32-х процентов до 21-го процента). Снижение объясняется и тем, что после такого события как мобилизация, отвечать о неготовности воевать стало социально неодобряемым. Напомним, что с первого дня войны в российских СМИ развернулась кампания по дискредитации россиян, которые не хотят воевать. К ним в том числе относятся уехавшие по политическим причинам соотечественники. Мобилизация — беспрецедентное изменение в обществе, затронувшее значимую часть граждан. Можно предположить, что признаваться в своей неготовности воевать респондентам как минимум неловко.

Число тех, кто готов воевать, с мая выросло на 16 п.п, теперь об этом заявляет больше половины мужского населения — 55%. Но только 15% из них готовы делать это добровольно, а бóльшая часть — 40% — только по приказу.

Надо отметить и то, что число декларируемых добровольцев с октября снизилось на 6 п.п., до 15%.

[Как и в прошлых исследованиях](#) воевать добровольно чаще готовы те, кто подлежит мобилизации в последнюю очередь: мужчины за 50 (среди них каждый пятый считает себя потенциальным добровольцем), пенсионеры и состоятельные люди, которые могут купить себе дом/квартиру в случае необходимости (не вызывает сомнений, что люди с таким материальным достатком смогут при необходимости “откупиться” и от мобилизации). Молодые люди (18-39 лет) воевать готовы гораздо реже остальных групп.

Большинство респондентов (58%) положительно относятся к тому, что осужденные за тяжкие преступления принимают участие в войне в обмен на помилование, но 28% — отрицательно.

Минимум каждый пятый россиянин (22%) сказал о том, что его близкие или родственники участвуют в войне. Чаще так говорят молодые люди (напомним, что они чаще не поддерживают войну), учащиеся и люди из сельской местности. Москвичи, у которых близкие участвуют в войне, встречаются реже.

Цена за жизнь

В конце анкеты мы решились спросить, какие выплаты за погибшего в рамках спецоперации военнотружашаго респонденты считают справедливыми.

Большинство респондентов — 62% — затруднились или отказались отвечать на этот вопрос. Из них 17% отказались отвечать в более конкретной и резкой форме: *“Человеческая жизнь бесценна”*.

Тем не менее 26% из ответивших считают, что справедливо выплачивать от 1 до 10 миллионов рублей в качестве единовременной денежной компенсации. Число совпадает с цифрами которые нам преподносят в официальных российских СМИ: 5 000 000 рублей, а в начале войны президент артикулировал цифру в 7 421 000 рублей.

Округленные суммы и частота их выборов представлены на графике 12.

Какую единовременную выплату семье погибшего в рамках спецоперации вы считаете справедливой? (%)

1 млн рублей и менее	8
от 1000001 до 5 млн рублей	16
от 5000001 до 10 млн рублей	10
10000001 и более	4
никакая, человеческая жизнь бесценна	17
Затруднились ответить/отказ	45

График 12.

Ассоциация между текущей войной и ВОВ.

Мы задали вопрос про ассоциацию между нынешней кампанией и ВОВ в виде эксперимента: «Как вы думаете, спецоперация скорее похожа на Великую Отечественную войну или скорее отличается от нее? (скорее похожа, скорее отличается, другой ответ, затрудняюсь ответить, отказ)».

Первой половине респондентов мы задали этот вопрос сразу после демографических вопросов и до всех чувствительных вопросов про текущую войну (10-ым по порядку) – **Группа 1**. Второй половине респондентов – после всех вопросов про текущую войну (27-ым по порядку) – **Группа 2**. Обе группы сбалансированы по демографическим характеристикам, а также по источникам информации и числу проблем, с которым столкнулись респонденты с марта 2022 (Таблица 1).

Таблица 1. Балансовые статистики для экспериментального вопросы

	Женщ	Гос. сектор	Высш. образ.	Возра ст	ПГТ\ село	СВО инфо. из ТВ	Проблем ы
Группа 1	0.50	0.16	0.48	48.9	0.39	0.75	1.9
Группа 2	0.49	0.17	0.45	48.0	0.41	0.74	1.9

Нас интересовало, как информационный вопрос про ассоциацию СВО и ВОВ влияет на ответ на вопрос про поддержку СВО и наоборот, а также как вопросы про СВО определяют отношение к СВО как к ВОВ. *Таблица 2* представляет результат эксперимента.

Таблица 2 Результат эксперимента

	СВО = ВОВ	Поддержка СВО	Сомнения в СВО
Группа 1	0.236	0.586	0.222
Группа 2	0.156	0.584	0.192

В группе 1 23,6% респондентов ответили, что нынешняя война и ВОВ скорее похожи. В группе 2 эта доля составила 15,6%, т.е. на 8 п.п. меньше. Таким образом, тот факт, что респонденты детально обдумывают свою позицию относительно военных действий в Украине значительно изменяет их отношение к тому, насколько эти две войны похожи. При этом мы не видим, что вопрос про схожесть войны в Украине и ВОВ, каким-либо образом влиял на отношение к актуальной войне – в обеих группах 58% респондентов поддерживают войну. Тем не менее, положение вопроса про схожесть украинской кампании и ВОВ влияет на то, приходилось ли респонденту сомневаться в своем отношении к текущей войне: в Группе 1 респонденты сомневались в своем отношении к войне на 3.п.п чаще. Как было показано ранее, респонденты не поддерживающие войну чаще сомневались в своем отношении к ней. Как мы видим, одним из источников такого сомнения может быть пропаганда того факта, что актуальная война и ВОВ похожи. *Таблица 3* демонстрирует результат эксперимента с разбивкой по тем

респондентам, кто поддерживает и кто не поддерживает войну. Среди тех, кто поддерживает украинскую кампанию, в группе 1 сомнение в отношении к войне на 4.8 п.п. выше и их оценка того, что текущая война похожа на BOB на 10.5 п.п. выше по сравнению с Группой 2. Среди не поддерживающих войну, в группе 1 сомнение в отношении к войне не отличимы от группы 2, и их оценка того, что война в Украине похожа на BOB на 4.3 п.п. выше по сравнению с Группой 2.

Таблица 3 Результат эксперимента по поддержке СВО.

	Поддерживающие СВО		Не поддерживающие СВО	
	СВО = BOB	Сомнения в СВО	СВО = BOB	Сомнения в СВО
Группа 1	0.311	0.139	0.130	0.339
Группа 2	0.206	0.091	0.087	0.334

Далее мы проводим аналогичный анализ для четырех подгрупп с разбивкой по поддержке войны и сомнений в военных действиях. Таблица 4 показывает результаты. Среди тех кто поддерживает войну и не испытывал сомнения в своей позиции наблюдается значительное снижение падения оценки схожести войны в Украине и BOB с 32.4 п.п до 20.5 п.п. Среди тех кто поддерживает войну и испытывал сомнения почти нет падения – доля оценки схожести текущей войны и BOB остается на уровне 21 п.п - 22 п.п. Среди тех, кто не поддерживает войну и не сомневался в своей позиции наблюдается падение с 11 п.п до 8.2п.п, а среди тех кто сомневался – с 16.9 п.п до 9.7 п.п. Эти результаты наглядно демонстрируют, что среди поддерживающих и не заявляющих о сомнении в этой позиции, простое общение и столкновение с вопросами про войну значительно снижает оценки того, что нынешняя война и BOB похожи (позиция, безусловно имеющая источником госпропаганду). Т.е. на самом деле эти люди вполне способны к изменению позиции, если будут рассуждать независимо от пропаганды. Среди тех, кто поддерживает войну и уже ранее сомневался в своей позиции нет никаких колебаний, эти респонденты уже все решили. Среди тех, кто не высказал что поддерживает войну и не сомневался – наблюдается снижение (впрочем, незначительное) т.е. их взгляды вполне устоявшиеся. Однако среди тех, кто не заявил о поддержке войны тоже наблюдается значительное снижение оценки схожести украинской кампании и BOB. Это говорит о том, что эта часть респондентов все еще в процессе осознания происходящего.

Таблица 4 Результат эксперимента по поддержке СВО и сомнениям в СВО

	Поддерж. СВО И не было сомнений		Поддерж. СВО И были сомнения		Не поддерж. СВО И не было сомнений		Не поддерж. СВО И были сомнения	
	N	Доля	N	Доля	N	Доля	N	Доля
Группа 1	415	0.324	64	0.226	206	0.110	111	0.169
Группа 2	437	0.205	47	0.212	209	0.082	111	0.097

Ядро поддержки и противников войны

В волне 9, как и в волнах 6 и 8, мы можем построить ядро поддержки. В данной волне мы строим широкое и узкое ядро поддержки. Широкое ядро поддержки мы определяем следующим образом.

Критерий 1: Респондент поддерживает войну И одновременно не готов к перемирию без достижения целей, даже если Владимир Путин примет такое решение.

Респондентов, соответствующих Критерию 1, 38% от общего числа респондентов. Однако, едва ли всех этих респондентов можно включить в реальное ядро поддержки, поскольку сценарий перемирия без достижения целей может казаться для многих нереалистичным, а издержки по достижению победы вполне туманными. Далее мы “уточняем” это ядро по трем направлениям.

Критерий 2: Необходимость приоритетного расходования госбюджета на армию (а не на социальные нужды) в случае дефицита госбюджета (который по факту уже есть).

Критерий 3: Моральное осуждение тех, кто уклоняется от участия в войне

Критерий 4: необходимость уголовного преследования противников войны, выражающих это публично.

Доля респондентов соответствующих:

- Критерию 1 и Критерию 2 - всего 22.1% от общего числа респондентов;
- Критерию 1 и Критерию 3 - всего 22% от общего числа респондентов;
- Критерию 1 и Критерию 4 - всего 23.4% от общего числа респондентов;

Таким образом, реальным ядром поддержки можно считать не более 22%-23.5%.

Также мы рассчитываем ядро противников СВО. Если взять в качестве критерия, что противник СВО:

- Не выразил поддержку войне
И
- Считает, что в условиях дефицита бюджета государственные средства нужно расходовать в первую очередь на социальную сферу
И
- Поддержал бы решение В. Путина вывести войска с территории Украины и начать мирные переговоры без достижения целей войны

то ядро группы противников войны составляет 20.1%.

Совместный анализ факторов поддержки текущей войны и готовности к перемирию

В данном разделе мы проводим регрессионный анализ, чтобы проверить устойчивость результатов, описанных ранее в виде кросс-таблиц. Более того, в описаниях результатов мы отталкиваемся от демографических и мировоззренческих характеристик респондентов и смотрим, как эти характеристики связаны с политическими предпочтениями, отношением к войне и другим процессам, происходящим в России.

1) Уверенность респондентов, что они могут влиять на свою жизнь повышает поддержку военных действий в Украине, снижает вероятность сомнений в отношении военной кампании, повышает их оценки предположения, что сменяемость власти вредна, повышает оценку достижимости целей войны, повышает вероятность необходимости расходов дефицитного бюджета на армию и повышает вероятность одобрения уголовного преследования для противников войны.

2) Положение вопроса про ассоциацию между нынешней украинской кампанией и ВОВ в начале анкеты повышает положительную оценку их схожести, а также повышает вероятность сомнений в своем отношении к войне.

3) Женщины реже поддерживают войну, чаще считают что выборы в 2024-ом году не нужны, а сменяемость власти скорее несёт вред. Также женщины считают, что цели войны достигнуты в большей степени, чаще выступают за перемирие, скорее относятся с пониманием к уклоняющимся от участия в войне, менее склонны одобрять участие заключенных в боевых действиях, и чаще испытывали чувство тревоги.

4) Молодые респонденты (18-34 лет) реже поддерживают войну, более склонны одобрять выборы, считают цели войны достигнутыми в большей степени, выступают за перемирие, за использование дефицитного бюджета для социальных нужд. Молодые

менее склонны осуждать уклоняющихся от мобилизации, они реже одобряют уголовное преследование для противников войны, а также реже одобряют участие заключенных в боевых действиях. Они также реже испытывали чувство тревоги.

5) Люди с высшим образованием чаще считают необходимыми выборы 2024 г., считают цели войны достигнутыми в меньшей степени, и реже одобряют уголовное преследование для противников военной кампании.

6) Респонденты с низким материальным положением считают цели войны достигнутыми в меньшей степени и чаще одобряют участие заключенных в войне.

7) Работники из гос. сектора чаще одобряют участие заключенных в войне, чем неработающие или работники в частном секторе. Работники как частного, так и государственного секторов считают цели украинской кампании достигнутыми в меньшей степени чем неработающие.

8) Те респонденты, у кого родственники участвовали в войне, чаще одобряют участие заключенных в кампании и чаще осуждают тех, кто уклоняется от участия в войне.

9) Проблемы, с которыми столкнулся респондент (увольнение, снижение мат. положения, необходимость экономить из-за роста цен, исчезновение лекарств или доступа к интернет-ресурсам) снижают поддержку войны, повышают сомнения в отношении к кампании, повышают одобрение необходимости выборов в 2024 и сменяемости власти. Эти респонденты также считают цели войны достигнутыми в меньшей степени, чаще выступают за перемирие, расходование бюджета на социальные нужды, реже одобряют уголовное преследование для противников войны и реже осуждают уклоняющихся от мобилизации. Они также чаще испытывают приступы тревоги.

10) Те респонденты, которые получают информацию о войне из телевизора чаще поддерживают боевые действия на территории Украины, считают нынешнюю войну и ВОВ более схожими, реже сомневались в отношении к украинской кампании, чаще выступают за отмену выборов 2024 и за несменяемость власти. Эти респонденты также считают цели войны достигнутыми в большей степени, реже выступают за перемирие, за расходование бюджета на соц. нужды, чаще одобряют уголовное преследование для противников войны, чаще осуждают уклоняющихся от мобилизации и чаще одобряют участие заключенных в боевых действиях.

11) Использование интернет-ресурсов для получения информации о текущей войне повышает вероятность сомнения в отношении к кампании, а также снижает оценки достижимости целей войны.

12) Пользователи VPN реже поддерживают войну, считают цели полномасштабного вторжения в Украину достигнутыми в меньшей степени, чаще выступают за перемирие, реже одобряют уголовное преследование для противников войны и участие заключенных в боевых действиях.

13) Получение информации о войне от родственников снижает одобрение необходимости выборов в 2024 г. и повышает тревожность.

14) Жители сел\ПГТ скорее выступают за уголовное преследование противников войны.

15) Жители приграничных регионов с Украиной скорее выступают за отмену выборов 2024 года.

16) Жители регионов с более высокой безработицей реже одобряют уголовное преследование для противников войны и участие заключенных в войне, а также реже осуждают уклоняющихся от участия в украинской кампании.

Далее мы анализируем дополнительные эффекты экономических проблем, расширяя базовую модель. Результаты представлены в *Таблице 6*.

17) Размер негативного эффекта от экономических проблем на поддержку войны больше у тех респондентов, кто получает информацию о текущей кампании из ТВ. Среди тех кто получает информацию о СВО из ТВ поддержка СВО составляет 67 п.п. Каждая новая экономическая проблема снижает поддержку СВО у них 11 п.п. Среди тех, кто не получает информацию о СВО из ТВ, поддержка составляет 34%, и каждая новая экономическая проблема снижает поддержку СВО у них на 8,3 п.п. Всего учтено три экономических проблемы: увольнение, снижение материального положения, экономия из-за роста цен. Таким образом, для тех респондентов, кто получает информацию о СВО из ТВ, но встретился как минимум с тремя экономическими проблемами, уровень поддержки составляет $67 - 3 \cdot 11 = 34\%$, что соответствует уровню поддержки респондентов, не получающих информацию о СВО из ТВ. Т.е. наблюдаемое противоречие между плохой экономической реальностью и нереальностью пропагандистских обещаний по ТВ снижает поддержку в большей степени, чем просто наблюдение плохой экономической реальности без просмотра ТВ. Конечно это снижение поддержки происходит от более высокого уровня поддержки для тех кто получает информацию о войне из ТВ. Аналогичные эффекты наблюдаются для отказа от поддержки перемирия и для неприязни к сменяемости власти. Более того, среди тех кто не смотрит ТВ нет эффекта экономических проблем на неподдержку перемирия, поскольку респонденты, не смотрящие ТВ изначально в большинстве поддерживают перемирие. Стоит отметить, что по восьмой волне Хроник среди тех, кто черпал информацию о СВО из ТВ уровень поддержки был 68%; среди тех, кто черпал информацию о СВО не из ТВ уровень поддержки был 39%. Это сопоставимо с тем, что мы наблюдаем в волне 9. Однако в волне 8, для обеих групп (использующих и не использующих ТВ для информации о СВО) каждая дополнительная экономическая проблема снижала поддержку СВО на 8.2 п.п - 8.6 п.п. То есть в восьмой волне не было такой сильной разницы от эффекта экономических проблем между теми кто получает информацию из ТВ и не из ТВ. В 9 волне эта разница появилась

18) Негативный эффект экономических проблем на вопросы связанные с войной практически не зависит от самооценки своего влияния на собственную жизнь.

Единственное отличие состоит в том, что для тех, кто считает, что может влиять на собственную жизнь, экономические проблемы не влияют на неготовность к перемирию. Однако, для тех кто не считает что в полной мере может влиять на собственную жизнь, экономические проблемы снижают оценки неготовности поддержать перемирие.

19) Негативный эффект экономических проблем на поддержку войны не зависит также и от наличия высшего образования. Тем не менее, для респондентов без высшего образования, экономические проблемы не создают дополнительных стимулов для того, чтобы поддерживать перемирие, в то время как для респондентов с высшим образованием, экономические проблемы значительно понижают неготовность к перемирию. По-видимому, это связано с тем, что респонденты с высшим образованием вполне осознают, что основная причина экономических проблем – это война.

Таблица 5. Регрессионный анализ

СЮДА ИДЕТ ТАБЛИЦА 5 ИЗ EXCEL ФАЙЛА

Таблица 6 Анализ эффекта проблем в разрезе различных характеристик и источников информации

СЮДА ИДЕТ ТАБЛИЦА 6 ИЗ EXCEL ФАЙЛА